

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

27 апреля 1982 г. в Институте языкознания АН СССР состоялось объединенное юбилейное заседание Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» и сектора кавказских языков ИЯ АН СССР, посвященное 90-летию со дня рождения выдающегося советского лингвиста Н. Ф. Яковлева (1892—1974).

Г. А. Климов, открывший заседание, подчеркнул непреходящее значение для теории и практики отечественного языкознания трудов Николая Феофановича Яковлева, ученого чрезвычайно широких интересов, оставившего заметный след во многих отраслях науки о языке. Здесь следует назвать: фонологическую теорию (прежде всего вопросы преодоления психологизма в фонологии), принципы построения алфавита, некоторые проблемы типологии эргативного строя. В серии его грамматик и монографий по абхазско-адыгским и нахским языкам сделано немало ценных наблюдений, легших в основу дальнейших исследований. Идеи Н. Ф. Яковлева во многом созвучны современным творческим исканиям советских языковедов.

Раскрыты связи наследия ученого с современностью были, в основном, посвящены прочитанные на заседании доклады.

Ю. Д. Дешериев в докладе «Н. Ф. Яковлев и развитие советского языкознания в 20—40-х годах» подчеркнул большой вклад ученого в языковое строительство в нашей стране, в исследование языков народов Кавказа, в дело подготовки лингвистических кадров по языкам народов СССР. Н. Ф. Яковлев был одним из первых советских ученых, которые еще в 40-х годах признали целесообразность сознательного воздействия общества на язык, возможность формализации языка в разумных пределах в связи с идеей машинного перевода. Он понимал и старался обосновать огромное культурно-историческое, общественно-политическое значение грандиозной социальной программы языкового строительства, осуществленной в

нашей стране. Н. Ф. Яковлев оставил для советского языкознания большое научное наследие. Должным образом оценить и использовать это наследие в интересах советской науки — важная задача.

В докладе «Теория фонологии Н. Ф. Яковлева» В. К. Журавлев отметил заметную роль ученого в отечественной фонологии. Его заслуга заключается в том, что он первый «освободил фонему» от бодуэновского психологизма, предложив собственно лингвистические критерии ее определения. Фонология Н. Ф. Яковлева явилась результатом творческого синтеза бодуэновского и фортунатовского направлений в отечественном языкознании.

В докладе Т. И. Дешериевой «Вклад Н. Ф. Яковлева в теорию грамматики (на материале нахских языков)» было заострено внимание на идеях и концепциях ученого в области грамматики. Некоторые из них являлись весьма новаторскими для 40-х годов (когда они были сформулированы) и получили должное развитие лишь сравнительно недавно. В их числе: 1) условность деления грамматики на морфологию и синтаксис, при ведущей роли последнего; 2) возможность различных способов выражения грамматической формы, в числе которых: интонация, порядок слов, логическое (синтаксическое, по Яковлеву) ударение, служебные слова и частицы, наконец — морфологическое оформление отдельных слов; 3) первостепенная роль сигнификативного и коммуникативного компонентов в семантике предложения; 4) фактическое введение в синтаксис парадигмы простого предложения; 5) признание ошибочности тезиса П. К. Услара о пассивности эргативной (активной, по Яковлеву) конструкции. В явной или неявной форме эти идеи и концепции представлены в известных монографиях Н. Ф. Яковлева по нахским и абхазско-адыгским языкам. В настоящее время они находят дальнейшее развитие в исследованиях его учеников и последователей.

В докладе были также отмечены некоторые положения Н. Ф. Яковлева,

являющиеся дискуссионными. Таковы: 1) квалификация прямого дополнения эргативной (активной, согласно Яковлеву) конструкции главным членом предложения; 2) некоторая непоследовательность в определениях залога, вида, наклонения.

М. А. Кумахов в докладе «Вклад Н. Ф. Яковлева в разработку вопросов фонологии и грамматики адыгских литературных языков» подчеркнул, что положения ученого, касающиеся общетеоретических проблем фонологии, опираются, главным образом, на фактический материал адыгских языков. Он в описательном плане охарактеризовал основные части речи (имя, глагол, местоимение, наречие, числительное) в адыгских литературных языках. Особенно большое внимание уделено Н. Ф. Яковлевым анализу синтаксического строя адыгских литературных языков. Исходя из посылки о том, что «синтаксис является ключом для понимания всех остальных грамматических понятий», он построил описательные грамматики адыгских литературных языков, сформулировал принципы соотношения синтаксиса, морфологии, фонетики. Хотя некоторые из положений Н. Ф. Яковлева (о стадийности грамматического строя, об аморфности корневых морфем и др.) не могут быть приняты, ученый остается одним из главных зачинателей в разработке описательной грамматики адыгских литературных языков.

Полный текст докладов, прочитанных на юбилейном заседании, предполагается опубликовать в коллективном труде «Вклад Н. Ф. Яковлева в советское языкознание».

Дешериева Т. И. (Москва)

В работе совещания приняли участие ученые Москвы, Минска, Киева, Ужгорода, Черновца, Тернополя, Дрогобыча.

Во вступительном слове директор института М. В. Брык отметил научные успехи обществоведов института, их вклад в решение научных проблем республики. Признанием этих успехов является, в частности, присуждение Словарю староукраинского языка XIV—XV вв. премии АН УССР им. И. Франко за 1980 г. Приветствуя гостей, М. В. Брык с удовлетворением отметил, что группа лексикографов института имеет тесные научные контакты с лексикографами Москвы, Минска, Киева.

Высоко оценивая работу, проделанную группой лексикографов под руководством Д. Г. Гринчишина по составлению канона источников и картотеки словаря, выработке основных принципов описания в нем слова и словосочетания, выступающие одобрили хронологические рамки словаря, который будет закономерным продолжением Словаря староукраинского языка XIV—XV вв. В словаре найдет отражение дальнейшее развитие украинского языка, усовершенствование его грамматической системы, расширение сферы употребления. Отмечено, что положительным моментом в структуре словаря является приведение вариантных форм при заглавном слове. Сосредоточение вариантов в одной словарной статье дает квалифицированно подготовленный материал для исследования в области исторической грамматики, фонологии, графики и орфографии.

При обсуждении вопроса об источниках словаря участники совещания выразили единое мнение о необходимости дополнения канона источников словаря и увеличения картотеки. И. З. Мицко (Львов) предлагает ввести в канон источников наряду с другими жанрами памятников также надписи на старинных иконах, в которых широко отражены элементы народно-разговорного языка. Указывалось, что часть памятников следует расписать не выборочно, а полностью, как это практиковалось, когда расписывались хронологически ранние и поздние источники.

Широко обсуждался вопрос о подаче ономастической лексики в словаре. Учитывая ее исключительное значение для изучения истории языка вообще и исторической лексикологии в частности, выступающие предлагали включить в реестр словаря или все виды онома (П. П. Чучка, Ужгород), или же только отапеллятивные (Д. Г. Бучко, Черновцы; Р. И. Осташ, Львов). По мнению И. А. Дзензелевского (Ужгород), Т. А. Сумникова (Москва), весь ономастический материал следует представить в отдельном словаре.

Сложным является в историческом словаре украинского языка вопрос о пометах, указывающих на родство слов, на заимствования, особенно это касается памятников с пограничных территорий. В связи с этим Т. А. Сумникова и Н. В. Чурмаева (Мо-

18—20 января 1983 г. во Львове в Институте общественных наук АН УССР состоялось совещание, посвященное обсуждению пробной тетради Словаря украинского языка XVI — первой половины XVII в. Совещанию предшествовала значительная исследовательская и организационная работа группы лексикографов института. После выхода в свет двухтомного Словаря староукраинского языка XIV—XV вв. (Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1—2. Київ, 1977—1978) была проведена большая работа по выявлению рукописных и опубликованных памятников украинского языка XVI — первой половины XVII в., хранящихся в архивах и библиотеках нашей страны и за ее пределами, по составлению канона источников словаря и, наконец, самой картотеки, насчитывающей свыше 600 тыс. карточек-цитат.

ска), П. П. Чучка высказали пожелание, чтобы при этимологических пометах более широко учитывались данные других восточнославянских языков в их современном и древнем состоянии. Различные точки зрения высказывались по поводу цифровой пометы при заглавном слове в словаре, указывающей на количество его фиксаций в картотеке. В. Л. Карпова (Киев), Т. М. Возный (Львов) высказались за то, чтобы в словаре была такая помета. По мнению же Н. В. Чурмаевой, подсчеты целесообразно давать при условии максимального использования памятников и при сплошном их расписывании. Поскольку при выборочном расписывании не исключена возможность, что распространенные слова в картотеке могут быть представлены единичными примерами и, наоборот, редкие — большим числом примеров, цифровая помета может неправильно информировать исследователя.

Ряд критических замечаний относительно более четкого разграничения в словаре фразеологизмов и устойчивых сочетаний, морфологических и словообразовательных, фонетических и морфологических вариантов слов, относительно толкований наречий, деэпричастий высказали И. И. Ощипко (Львов), Т. М. Возный, М. Д. Карпюк (Тернополь), А. А. Сербенская (Львов), Н. В. Чурмаева. Выступившие в обсуждении В. Л. Карпова, Т. М. Возный, П. П. Чучка на основе анализа конкретного материала сделали ряд интересных дополнений.

На совещании были заслушаны также доклады, посвященные различным вопросам исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Л. С. Паламарчук (Киев) в докладе «Достижения и перспективы развития украинской советской лексикографии» отметил, что лексикография на Украине имеет уже почти четырехвековую историю, однако то, что сделано за 60 лет Советской власти, превышает сделанное на протяжении предыдущего периода. Докладчик дал широкую панораму развития украинской советской лексикографии, показав на ее фоне достижения лексикографов Львова.

Принципам подбора памятников для словаря, их языковой и жанровой характеристике был посвящен доклад Д. Г. Гринчишина «Источники Словаря украинского языка XVI — первой половины XVII в. и принципы их подбора». С интересом был заслушан доклад О. А. Купчинского (Львов) «Актовые фонды Государственных архивов СССР как источник общезыковых и отраслевых словарей украинского языка XVI—XVII вв.». В докладе, основанном на архивных материалах, дан глубокий анализ чрезвычайно богатых и ценных для исторической лексикологии и лексикографии памятников украинской письменности. В докладе «К определению значения в историческом словаре» Т. А. Сумникова на примере словосочетания *лютий зверь* из Поучения Владимира Мономаха убе-

дительно доказала, что при определении значения слова или словосочетания следует анализировать лексему каждого памятника в отдельности, учитывая при этом экстралингвистический аспект, в частности, данные исторической географии, исторической зоологии, истории Киевской и Северо-Восточной Руси.

Л. М. Подюга (Львов) в докладе «Формы подачи семантической системы в историческом словаре» отметил, что семантическая характеристика слова, устойчивого словосочетания или фразеологизма в Словаре украинского языка XVI — первой половины XVII в. будет осуществляться путем перевода или толкования. Толкование применяется в тех случаях, когда то или иное слово отсутствует в активном запасе современного украинского языка.

В докладе А. Т. Захаркив (Львов) «Графические особенности памятников украинского языка XVI — первой половины XVII в.» была сделана попытка решения ряда практических вопросов, связанных непосредственно с работой по составлению словаря, в частности, вопросов, касающихся транслитерации слов, передачи выносных букв и лигатур, надстрочных знаков, дифференцированного подхода к отражению отдельных видов акцентуации, орфографии заглавного слова, максимального сохранения графических особенностей памятников в цитируемом материале, и др.

В. Л. Карпова в докладе «Вторичные семантические функции флористических названий в староукраинском языке» на примере анализа семантической группы двукомпонентных названий растений показала, что в староукраинском языке нередко для обозначения совершенно различных растений употребляются одинаковые названия. Поэтому при определении значения таких слов в историческом словаре следует поступать весьма осторожно, учитывая при этом жанр памятника, место его написания и др.

В докладе Н. В. Чурмаевой «Наречия в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв.» отмечалось большое значение исторических словарей для исследования исторической грамматики, в частности, вопроса о словообразовании наречий в восточнославянских языках.

В докладе Р. И. Керсты (Львов) «Ономастика в Словаре украинского языка XVI — первой половины XVII в.» и П. П. Чучки «Исторический словарь и собственные названия на основе данных исторической ономастики» показано ее значение для исторической лексикологии, для хронологизации языковых фактов.

Были заслушаны также информации А. И. Журавского (Минск) о работе над Историческим словарем белорусского языка, Т. А. Сумникова — о работе над Словарем древнерусского языка XI—XIV вв., В. Я. Дерягина (Москва) о работе над Словарем русского языка XI—XVII вв.

Участники совещания пришли к еди-

ному выводу, что качество будущего Словаря украинского языка XVI — первой половины XVII в. в значительной мере зависит от поддержки и помощи широкой научной общественности как в нашей стране, так и за ее пределами.

Керста Р. И. (Львов)

18—20 февраля 1983 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск) проходила очередная (пятая) конференция по главной теме сектора языков народов Сибири — «Сопоставительно-типологическое исследование строя сложного (полипредикативного) предложения в языках разных систем» (руководитель темы — М. И. Черемисина). В разработке этой темы принимает участие целый ряд научных коллективов и отдельных языковедов — сотрудники и аспиранты академических институтов, местных сибирских НИИ, преподаватели вузов. Нынешняя конференция подвела итоги последних двух лет работы. Она была посвящена вопросам обобщающего характера — доклады группировались вокруг четырех основных тем: проблемы типологии сложного предложения (СП), системное представление СП, функционально-семантические и структурные типы СП. Поднимались также вопросы смежного характера — морфологическая база СП, общие вопросы синтаксиса предложения и др.

По установившейся традиции каждая проблема обсуждалась на материале разных языков, как индоевропейских (русский, английский), так и алтайских (тюркские языки Сибири; эвенкийский и маньчжурский; бурятский), финно-угорских и самодийских (финский, энецкий, итавасанский, хантыйский), палеоазиатских и др.

В докладе М. И. Черемисиной «Структурные и функциональные типы СП» был поставлен вопрос о необходимости углубленной теоретической проработки и систематизации тех понятий, с помощью которых описывается план выражения и план содержания (форма, структура, смысл и значение, функция), а также отношения частей сложного предложения — понятия подчинения, соподчинения и сочинения, предикативной и координативной связей; ср. также понятия управление, согласование, изафет — и союзная связь, союзное подчинение и сочинение и др. В этих понятиях слабо разведены семантические и формальные аспекты, тогда как для построения стройных систематик и типологий необходима непротиворечивая понятийно-терминологическая система. В докладе Ф. А. Литвина (Орел) «О соотношении семанти-

ческих и структурных моментов в типологии СП» также говорилось о необходимости различать формальные и содержательные аспекты СП и учитывать то, как по-разному они соотносятся в разных языках. Кроме того, в содержании СП типологически существенно различать семантику, т. е. то, что орпентировано на внеязыковую действительность (в широком ее понимании), и синтактику, т. е. то, что обусловлено структурой языка. Это касается как оснований выделения СП, так и их классификации.

Серия докладов была посвящена системному представлению СП. Я. Г. Биренбаум (Магнитогорск) в докладе «Синкретизм адвербиальных разрядов придаточных» описал систему закономерных связей между 18-ю разрядами придаточных предложений в английском языке с объяснением промежуточных случаев, когда придаточное одного разряда приобретает значение другого разряда. Н. Х. Демисина (Алма-Ата) представила классификацию сложных предложений казахского языка. Автор различает сложносочиненные предложения с показателями союзного типа, каждая из частей которых имеет сказуемое — личную глагольную (или именную) форму; сложноподчиненные предложения, сказуемое зависимой части которых — инфинитивная глагольная форма (причастно-падежные, причастно-последовальные формы, деепричастия, имена действия, условное наклонение); бессоюзные сложные предложения, невыраженность отношений между частями которых позволяет им передавать широкий и неопределенный круг значений. Л. М. Байдуз (Тюмень) в докладе «О месте конструкций с союзом *тем* более что в системе типов СП» предложила ввести в классификацию СП признак «минимальный состав формируемой союзом конструкции», противопоставляя союз *тем более что* и подобные ему как формирующие трехчленные конструкции союзам, формирующим бинамы.

В докладе «Изыяснительное бессоюзное предложение и его место в типологии сложных бессоюзных предложений русского языка» Н. Н. Чайковская (Усть-Каменогорск) рассмотрела специфические структурные, семантические и коммуникативные признаки бессоюзного изыяснительного предложения на фоне союзных изыяснительных конструкций, противопоставив его как «истинное» бессоюзное предложение «квазибессоюзным».

Другая большая группа докладов была посвящена различным функционально-семантическим типам СП. В рамках выделенных типов обсуждались структурные модели (типы) конструкций, передающих те или иные специальные значения. Больше всего внимания было уделено временным конструкциям. Л. М. Бродская (Иркутск) в докладе «Лексико-грамматические средства выражения временного значения во временных СП эвенкийского языка» охарактеризовала формы со значением начала и конца действия, а также отрицание как дополнительные средства уточ-

нения темпорального значения, выраженного формой зависимого сказуемого. В докладе, посвященном бурятским конструкциям со вспомогательным глаголом *бай-* «быть» в роли зависимого сказуемого, Е. К. Скрибник (Новосибирск) показала влияние аспектуальных аналитических форм с этим глаголом на семантику сложной временной конструкции, а также специальные аналитические формы с этим глаголом, которые возникают в условиях идиоматизации сочетаний причастных, надежных и отрицательных аффиксов как строевых элементов полипредикативной конструкции и функционируют именно в позиции зависимого сказуемого, передавая значение отрицания, временные и модальные значения. А. П. Леонтьев (Иркутск) посвятил свой доклад «временным конкретизаторам» — словам, в разной мере сохранившим собственное значение и функции членов предложения (например, *затем, в дальнейшем, на следующий день* и т. п.) и выражающим отношения между событиями, а тем самым являющимися своеобразными «скрепами предложения», как связанных запятой, так и разделенных точкой. Т. Н. Боргоякова (Новосибирск) исследовала конструкции общей временной соотнесенности в хакасском языке, их структурные типы, средства конкретизации их обобщенного временного значения для передачи отношений предшествования, одновременности и следования. В докладе Н. М. Гришиной (Новосибирск) была представлена система временных конструкций кетского языка, их семантика и основные структурные типы (падежные, последовательные и др.). Г. Г. Фисакова (Барнаул) уделила внимание одной уступительной конструкции в языке бачатских телеутов — конструкции, где главным сказуемым является аналитическая форма с семантикой «фиктивного действия», знаменательный компонент которой имеет форму причастия на *-боксн*. Л. М. Горелова (Москва) в докладе «Семантика подлежащих конструкций в маньчжурском языке» рассмотрела факторы, внутренние и внешние, т. е. относящиеся к структуре самой зависимой предикативной единицы или относящиеся к структуре и семантике конструкции в целом, которые обуславливают предметное либо событийное значение ЗПЕ в функции подлежащего.

Два доклада были посвящены определительным конструкциям: на материале гванасанского языка их обрисовала Н. Н. Коваленко (Новосибирск), на материале тувинского — М. В. Оюн (Новосибирск). В сообщении Н. А. Витюговой (Новосибирск) были описаны семантические типы сложносочиненных предложений с союзом «и» и отрицанием «не».

Четвертая тема, обсуждавшаяся на конференции, — структурные типы СП. В докладе А. П. Володина (Ленинград) «Полипредикативные структуры в финском языке» говорилось о конструкциях с инфинитивами в роли предиката зависимой части. Докладчик проанализировал

роль надежных аффиксов в их структуре и показал существенную аналогию между этими конструкциями и синтетическими типами СП в алтайских языках Сибири. И. П. Сорокина (Ленинград) в докладе «Полипредикативные конструкции с последлогами в энецком языке» рассмотрела серийные и не-серийные последлоги, примыкающие к глагольному имени в роли зависимого предиката и выступающие грамматическими показателями связи между главной и зависимой частями полипредикативного комплекса. Доклад Л. А. Шаминой (Новосибирск) был посвящен уточнению синтаксического статуса тувинской инфинитивной формы на *-гыже*. Эта форма, наряду с признаками, сближающими ее с дееспричастиями и причастиями, характеризуется и специфическими признаками (надежная парадигма, хотя и неполная, личное спряжение с появлением внешнего аффикса, как у форм условного наклонения). Автор оценивает эту форму как предельное наклонение. О. В. Субракова в докладе «Хакасские сложные конструкции с соотносительными словами» показала тип связи, появившийся и все более распространяющийся под влиянием русского языка — двустороннюю местоименно-соотносительную связь (*кем... — о... «тот... — кто...»*). Н. Н. Ефремов (Якутск) докладывал о соотношении дополнительных и противительных конструкций якутского языка. В сообщении И. Г. Андреевой (Новосибирск) были выявлены структурные типы подлежащих конструкций японского языка. Н. П. Перфильева (Новосибирск) описала синтаксическую и семантическую специфику русских конструкций с двойными скрепами типа *хотя... — но..., несмотря на то что... — тем не менее...* и др.; Н. В. Усова (Новосибирск) сообщила о структурных типах русских противительных конструкций.

На конференции поднимались и общие вопросы синтаксиса. Э. И. Белимов (Новосибирск) в докладе «Понятие субъекта и объекта и стадийная теория» показал неприменимость этих терминов для описания кетского предложения и предложил дихотомию «инициатор — восприимчивый» с учетом признаков активности — инактивности и динамичности — статичности актантов ситуации. Т. В. Шмелева (Красноярск) в докладе «Опыт перечисления модусных значений в предложении» обрисовала возможности выражения модуса в сложном предложении. Предварительное исчисление модусных значений позволило выделить четыре их группы: метакомпонент (речевой и номинативный смыслы), актуализационный (координаты «я — здесь — сейчас»), квалификативный (модальность, предикативность, авторизация и оценочность) и социальный (категория вежливости) компоненты. СП системно выражают речевой и квалификативный компоненты (изъявительные конструкции), а также номинативный (местоименно-соотносительные конструкции). Э. М. Ким (Ново-

сибирск) представила результаты трансформационного эксперимента по преобразованию изъяснительного сложного предложения в простое, т. е. изъяснительного придаточного в слово или словосочетание, показала категориальные различия этих форм и остановилась на ограничениях, которые накладывает на преобразование их формальная специфика. В сообщении С. П. Кононовой (Ханты-Мансийск) «Некоторые синтаксические явления в языке казымских ханты» был дан критический обзор литературы по хантыйскому синтаксису и отмечены отдельные особенности синтаксиса казымского диалекта. Два доклада были посвящены синтаксису текста и роли в нем различных временных и пр. глагольных форм — доклады Т. А. Кабановой (Красноярск) на материале кетских текстов и Н. Н. Сабельфельдт (Новосибирск) — на материале языка Ремизовской летописи (XVIII в.).

При обсуждении докладов и подведении итогов конференции зав. Отделом филологии ИИФФ СО АН СССР Е. И. Убрятова подчеркнула, что конференция объединяет широкий круг исследователей языков Сибири, коллектив «на общественных началах», основную часть которого составляют вузовские преподаватели. Эта традиция была заложена в Сибири А. П. Дульзоном, ученики и последователи которого, представляющие «томскую школу сибиреведения», работают сейчас в разных городах Сибири. М. И. Черемисина, закрывая конференцию, предложила положить в основу дальнейших научных изысканий важный вопрос, поднятый на конференции, — существует ли связь между формальными и содержательными типами сложного предложения как некоторое закономерное явление.

Скрибник Е. К. (Новосибирск)